

В. Чернов

Красной нитью (по выраженію проф. Капустина въ его заключительной рѣчи) пропели гуманныя тенденціи по всеѣмъ заключеніямъ и мнѣніямъ съѣзда. При обсужденіи вопроса о томъ, съ какого возраста женщина можетъ быть занесена въ списокъ проститутокъ и получить право легально проституировать, однимъ изъ членовъ въ возраженіе, спрошено было: *въ какомъ возрастѣ можно дозволить законно воровать?*

Выработать новую организацію системы надзора надъ проституціею предстоитъ будущему. Въ основаніи ея должны лечь принципы гуманности, и все унижательныя отношенія должны быть сняты. Въ этомъ смыслѣ высказывались многіе извѣстные сифилидологи: *Fournier* въ 1879 году выразилъ свой пламенный протестъ противъ господствующей во Франціи системы суроваго, безучастнаго, жестокаго обращенія съ несчастными проститутками. Такое обращеніе совершенно излишне и только вредно для дѣла. Больную женщину въ особомъ тюремномъ экипажѣ отвозятъ въ больницу-тюрьму. И что бы мы могли отвѣтить ей, если-бъ она, въ тотъ моментъ, какъ за ней захлопывается тяжелымъ затворомъ дверь, обратившись къ намъ, сказала: «За что наказываете вы меня?—За сифилисъ, который я получила? Да, вѣдь это вина другого! Чтобъ выгнать меня, но не для меня, а для васъ, вы заключаете меня въ эту ужасную тюрьму; да я же ничего такого не сдѣлала, чтобы меня посадить туда, куда садятъ воровокъ и убійцъ!» Что можемъ мы отвѣтить ей на такія слова?

Д. Д. Ахшарумовъ.

Св. си. кн. 26. СССР - 1976

37.685

Глубоко уважаемому
Владимиру Владимировичу Лесевичу
отъ всегда.

433(2)5

ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ.

Изъ Тамбова. (По поводу дѣла А. Н. Слетовой.)

I.

Почти во всѣхъ столичныхъ и провинціальныхъ газетахъ былъ напечатанъ отчетъ о процессѣ, веденномъ въ г. Тамбовѣ городскими учителями противъ бывшей завѣдующей мѣстной мужскою воскресною школою А. Н. Слетовой. Дѣло это, дѣйствительно, имѣетъ глубокое общественное значеніе. Какъ въ одной каплѣ воды отражается море, такъ въ немъ отразилось печальное положеніе нашихъ школъ, мертвая формалистика «завѣдыванія» ими, основанная на бюрократическомъ принципѣ, и, наконецъ, положеніе нашихъ воскресныхъ школъ—этихъ «пасынковъ» въ системѣ нашего народнаго образованія...

Прежде, чѣмъ подвергнуть анализу самое дѣло А. Н. Слетовой съ народными учителями, обратимъ свое вниманіе на ту почву, на которой настоящее дѣло выросло. Бросимъ бѣглый взглядъ на исторію возникновенія тамбовской мужской воскресной школы. Эта исторія разъяснитъ намъ въ ходѣ процесса многое такое, что иначе осталось бы совершенно темнымъ и непонятнымъ.

Тамбовская мужская воскресная школа возникла по инициативѣ довольно извѣстной въ педагогическомъ мірѣ Э. О. Кислинской. Личность основательницы школы—г-жа Кислинская принадлежала по происхожденію къ мѣстному «свѣтскому обществу»—значительно облегчила для этой школы обыкновенную долгую и тягостную прелюдію къ открытію,—прелюдію, состоящую во всевозможныхъ «хлопотахъ», хожденіи по инстанціямъ, устраненіи препятствій и т. д. Но, разъ уже открывшись, воскресная школа подпала подъ ту суровую ферулу, которая у насъ, повидимому, почти неизбѣжна для большинства проявленій общественной инициативы въ дѣлѣ народнаго образованія.

Фраза «вы не должны выходить изъ программы» висѣла надъ учащими въ школѣ, какъ Дамокловъ мечъ,—пишетъ г-жа Кислинская въ своей брошюрѣ: «Изъ дневника учительницы воскресной школы» ¹⁾. «Намъ почти предписывалось указывать дверь тѣмъ изъ учениковъ, которые умѣли читать и писать, а когда въ школѣ оказался ученикъ, окончившій курсъ уѣзднаго училища и пришедшій съ

¹⁾ Собственно говоря, брошюра эта подписана лишь инициалами г-жи Кислинской; однако, я не совершаю никакой нескромности, раскрывая ея псевдонимъ, ибо это сдѣлано ею самою въ письмѣ, представленномъ на судъ по дѣлу А. Н. Слетовой, въ видѣ вещественнаго доказательства.

скромною цѣлью «повторить грамматику», то чуть не разыгралась буря. «Школа ваша должна быть школою только грамоты,—говорили намъ,—грамотные ученики только даромъ занимаютъ у васъ мѣсто, имъ тутъ нечего дѣлать; когда они забудутъ грамоту и придутъ къ вамъ, тогда и принимайте ихъ». Даже въ выборѣ школьных книгъ мы не были свободны, и «Дѣтскій Міръ» Ушинскаго, попавшійся какъ-то подъ сердитую руку, чуть не былъ конфискованъ, какъ «неудобная книга». Нечего уже и говорить о такихъ вольнодумствахъ, какъ исторія, географія. Я очень живо помню, какую бурю вызвала эта географія (и даже не курсъ географіи, а географическія бесѣды, приуроченныя къ школьной книгѣ для чтенія), о которой прослышало начальство. И два пальца вмѣсто рукопожатія, и повышеніе голоса, и угроза закрыть школу, и суровыя предостереженія... «Да вѣдь это только географическія бесѣды, дополненія и объясненія къ статьямъ книги», пробую я защищаться, и вспоминаю при этомъ, какъ оживленно проходили эти уроки, какъ ихъ любили ученики, какъ просятъ, чтобы они были почаще... «Отнюдь никакой географіи!—продолжаетъ начальство, сотрясая перстомъ въ воздухъ,—ваша школа имѣетъ цѣлью научить грамотѣ, не больше, и когда это достигнуто, ваше дѣло окончено. Вѣдь такъ, пожалуй, вы и философію съ ними вздумаете проходить. Намъ ученыхъ не надо-съ!»—и голосъ начальства принимаетъ все болѣе и болѣе зловѣщіе оттѣнки... А въ мирныя минуты, когда выговоры замѣнялись «внушеніями», приходилось выслушивать о «порціяхъ» преподаванія; дѣлалось сравненіе этихъ порцій съ порціями пищи, которая, «будучи предложена въ слишкомъ большомъ количествѣ, не переваривается желудкомъ и вызываетъ болѣзнь». Немудрено, что послѣ такихъ философски-физиологическихъ афоризмовъ учительницы при каждомъ посѣщеніи начальства входили въ классъ «съ трепетомъ», что каждое правильно написанное ученикомъ слово рѣзало имъ по нервамъ, какъ прежде грубая ошибка, а каждое не на мѣсто поставленное «я» казалось якоремъ спасенія...

Подъ этимъ-то вѣчнымъ страхомъ грозы вели тамбовскія учительницы свою скромную маленькую работу, самымъ искреннимъ и наивнымъ образомъ удивляясь, почему ихъ школа не даетъ спать инспекціи, да и не только инспекціи, а и мѣстному «свѣтскому обществу». Въ самомъ дѣлѣ, это «общество» не только не оказывало этимъ скромнымъ труженицамъ той нравственной поддержки, которой отъ него можно было бы ожидать, но даже, наоборотъ, окружало школу атмосферой недовѣрчиваго любопытства и сплетенъ. «Я помню,—пишетъ г-жа Кислинская,—что въ свѣтскомъ обществѣ намъ не переставали приписывать всевозможныя цѣли—вплоть до тщеславнаго желанія выдвинуться посредствомъ школы ¹⁾.» «Не могу не вспомнить... одного «свѣтскаго» разговора, темою котораго было удивленіе, что мы говоримъ «вы» слесарямъ, портнымъ, сапожникамъ. Проводилась даже мысль о «развращеніи нравовъ». Рядомъ съ этимъ убѣжденно заявляли: «вѣдь у нихъ полное отсутствіе человѣческаго достоинства». И высказывалось предположеніе, что заискиванье, лесть, просьба подачекъ, надувательство и проч. процвѣтаютъ

¹⁾ Такимъ образомъ, мѣстный инспекторъ г. Бойковъ имѣлъ предшественниковъ, когда печатно заявилъ, что Слетова оклеветала учителей ради того, чтобы выдѣлать достоинства своей школы.

въ нашей школѣ, какъ и вездѣ, гдѣ «этотъ народъ». — «Ахъ, воскресная школа! — говорить свѣтская дама, какъ бы припоминая: — это что-то въ 60-е годы... Vous savez les nihilistes... Нѣтъ, нѣтъ, моя дочь не приметъ никогда участія въ «такомъ» дѣлѣ!» И эта фраза, по какому-то недоразумѣнію соединяющая страшное слово nihilistes (такое же страшное, какъ слово «жуель» для купчихъ Островскаго) съ нашей скромной воскресной школой, виситъ въ воздухѣ свѣтскихъ гостиныхъ... А свѣтскія гостиныя, какъ извѣстно, играютъ большую роль въ общественномъ мнѣніи провинціи»...

Подъ вліяніемъ такого, въ лучшемъ случаѣ индифферентнаго отношенія къ школѣ со стороны «общества», кружокъ воскресниковъ-педагоговъ жилъ совершенно изолированно, являясь маленькимъ оазисомъ въ окружающей пустынѣ.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Положеніе оставалось неизмѣннымъ. Въ запискѣ о ходѣ школьныхъ дѣлъ (весною 1896 года) г-жа Слетова, сдѣлавшаяся завѣдующей школою на мѣсто уѣхавшей г-жи Кислинской, жалуется на тотъ же индифферентизмъ общества, на малочисленность желающихъ работать въ школѣ, даже на прямое недоброжелательство. «Большинство мѣстной публики, говоритъ она, смотритъ на наши занятія въ школѣ несерьезно, какъ на «рукодѣлье отъ бездѣлья». Тамбовское общество вообще, а педагогическая корпорація въ частности, смотритъ косо на воскресныя школы вообще, и особенно враждебно на мужскую школу». Профессиональная гордость патентованныхъ педагоговъ естественно возмущалась противъ всего строя преподаванія въ воскресной школѣ, имѣвшаго очень мало общаго съ обычными порядками казенно-школьнаго преподаванія. Дамскую чопорность возмущала другая сторона дѣла: многія барыни и барышни считали неприличнымъ, чтобы въ школѣ, гдѣ учатся иногда взрослые мужчины, занимались дѣвушки. «Хорошо еще, — говоритъ г-жа Слетова, — если общество просто не обращаетъ на насъ вниманія или довольствуется насмѣшками; но, къ сожалѣнію, этимъ дѣло не ограничивается. Насъ положительно *травятъ* различными сплетнями и слухами о нашей неблагонадежности. Къ счастью, до сихъ поръ начальство не обращало вниманія на эти слухи... Но сплетня имѣютъ страшную силу въ нашемъ городѣ, и поэтому приходится ежеминутно опасаться за участь школы.»

Такое отношеніе къ воскресной школѣ чрезвычайно характерно для Тамбова. Онъ весь тутъ, какъ живой, съ его скудостью умственной жизни, съ его, поистинѣ, пошехонскими нравами и обычаями, съ узостью и мелочностью интересовъ его «общества», пробавляющагося картами да сплетнями. Это — совершенно особый міръ, съ особой логикой и моралью. Немудрено, что съ точки зрѣнія «общественнаго мнѣнія» г. Тамбова являлся страннымъ и дикимъ фактъ существованія лицъ, ищущихъ нравственнаго отдыха и удовлетворенія въ какой-то вознѣ съ городскими ребятишками, этими грубыми и испорченными «дѣтьми улицы». Не однѣ только свѣтскія дамы представляли себѣ школьниковъ какими-то маленькими дикарями, недоступными нравственному воздѣйствію и понимающими только логику кулака и подзатыльника. Недалеко ушло отъ нихъ въ своемъ міросозерцаніи и большинство представителей мѣстной дипломированной интеллигенціи. Нагляднымъ примѣромъ могутъ служить мѣстный адвокатъ, гласный думы и земецъ Н. В. Шатовъ и редакторъ неофициальной части «Губ. Вѣд.» С. Г. Кишкинъ. Первый изъ нихъ, охотно

взявшись вести дѣло со стороны городскихъ учителей противъ А. Н. Слетовой, говорилъ на судѣ о «вполнѣ *понятной* горячности учителей, живущихъ въ условіяхъ вѣчной возни съ ребятишками, которые привыкли и дома слушаться только колотушекъ». Второй помѣстилъ въ одномъ изъ №№ своей газеты передовую статью, въ которой, между прочимъ, также извинялъ учителей тѣмъ, что они «окружены постоянно толпой *неблаговоспитанныхъ* и *недисциплинированныхъ* мальчишекъ, которые, въ особенности городскіе, въ состояніи вывести своимъ поведеніемъ изъ терпѣнія всякаго и постоянное обращеніе съ которыми можетъ легко разстроить и очень крѣпкіе нервы». Въ обоихъ приведенныхъ мнѣніяхъ сквозитъ, съ одной стороны, упрощенный взглядъ на учителя, какъ на ремесленника, берущагося за дѣло не по свободному влеченію, а нехотя, по обязанности, не смотря на всѣ непріятности, связанныя съ этимъ ремесломъ; съ другой стороны, оба мнѣнія предполагаютъ такое же презрительное отношеніе къ «этому народу», которое мы видѣли у свѣтской дамы въ характеристикѣ Э. О. Кислинской.

Немудрено, что при такихъ обстоятельствахъ кружокъ учительницъ-воскресницъ жилъ своею, особою жизнью, интересы которой были совершенно чужды громадному большинству тамбовскаго «общества». Но общество хотѣло объяснить себѣ ихъ поведеніе, и неудивительно, что съ одной стороны пошли въ ходъ предположенія о томъ, что воскресная школа только предлогъ для того, чтобы выдвинуться и заставить о себѣ говорить, съ другой—что это просто барышни отъ нечего дѣлать съ жиру бѣсятся; наконецъ, съ третьей стороны выступали обычныя глубоко-мысленныя соображенія, что дѣло здѣсь что-то неспроста, пахнетъ какими-то «тайными цѣлями» и «неблагонадежностью». Пошехонская логика проста и незатѣйлива, а обвиненіе въ неблагонадежности—обычный для провинціи козырный ходъ противъ людей, не придерживающихся ходячаго правила — съ волками жить, по волчьи быть.

Итакъ, кружокъ воскресницъ шелъ своимъ путемъ. «Ваша школа должна быть школою только грамоты»,—твердили имъ на разные лады инспекторъ и директоръ училищъ. Но онѣ никакъ не могли помириться съ подобнымъ положеніемъ, тѣмъ болѣе, что передъ ихъ глазами была буква закона (см. § 1 пол. о нач. нар. уч.), которая, кромѣ обученія механической грамотности, ставитъ начальнымъ народнымъ училищамъ—въ томъ числѣ, слѣдовательно, и воскреснымъ школамъ—гораздо болѣе широкую цѣль — распространенія въ народѣ нравственныхъ понятій. Въ этомъ смыслѣ и дѣйствовали учительницы. И нѣтъ сомнѣнія, что ихъ дѣятельность не пропала даромъ, а принесла свои плоды. Школа не только учила своихъ питомцевъ сухимъ элементамъ знанія, но и согрѣвала ихъ тепломъ хорошаго, дружескаго отношенія, пробуждая въ нихъ этимъ сознаніе своего человѣческаго достоинства и расчищая почву для лучшихъ гуманныхъ началъ и идей. Пресловутая школьная «дисциплина», къ ужасу формалистовъ-педагоговъ, здѣсь совершенно отсутствовала. Учительницы пуще огня боялись всего, что напоминало обычную школьную рутину, официальность, казенную формалистику. Онѣ заботились болѣе всего о простотѣ и непринужденности отношеній съ учениками, о томъ, чтобы ученики свободно, не стѣсняясь никакими формальностями, повѣряли учащимъ всѣ свои умственные интересы, всѣ вопросы, возникавшіе въ ихъ головѣ, всѣ мысли и думы.

Все это являлось совершенно непривычнымъ и новымъ для приходящихъ въ школу. Въ окружающей жизни они повсюду видѣли нѣчто совершенно иное. Окружающая жизнь топтала ихъ нравственную личность, приучая къ созерцанію насилія, произвола, отсутствія законности и торжеству кулачнаго права. Въ самомъ дѣлѣ, если правовое положеніе низшихъ классовъ городского населенія вообще въ Россіи заставляетъ желать лучшаго, то это положеніе специально въ нашей мѣстности, можно сказать, не оставляетъ желать худшаго. Врядъ ли можно найти другую такую губернію, гдѣ бы такъ мало вошло въ жизнь наше теоретическое равенство всѣхъ передъ закономъ. Поэтому естественно, что воскресная школа, съ ея неофициальностью, съ ея простотой, свободой и непринужденностью отношеній, съ тѣмъ тепломъ и любовью, которыя такъ легко вносить въ дѣло людямъ, пришедшимъ работать не по найму, не изъ-за куска хлѣба, а единственно изъ симпатіи къ самой работѣ—эта школа въ Тамбовѣ для простолюдина играла роль чуть ли не единственнаго свѣтлаго уголка, «гдѣ никто не оскорбитъ, не обидитъ, не выругаетъ, не накричитъ,—уголка, въ которомъ совсѣмъ другая атмосфера, нежели та, которая окружаетъ его въ другихъ сношеніяхъ съ людьми». (Э. О. Кислинская, «Изъ дневн. уч. воскр. шк.»). Съ самаго начала этотъ фактъ даже озадачивалъ поступающихъ въ школу. «Вотъ-то добрая учительница у насъ,—удивлялся, по словамъ Э. О. К.—ой, мальчикъ, вышедшій изъ ежедневной школы:—не токма не дерется, а и подзатыльника никогда не дастъ и поворачиваться позволяетъ!» Отъ взрослыхъ же учениковъ воскресницамъ приходилось выслушивать выраженія ихъ изумленія и одобренія, что онѣ «не брезгаютъ чернымъ народомъ». «Я слышалъ про школу, что тамъ хорошо,—писалъ, напр., одинъ изъ взрослыхъ учениковъ въ своемъ письмѣ къ учительницѣ,—но не зналъ, что такого можетъ быть хорошаго, и думалъ: не можетъ быть, чтобы образованная какая-нибудь барыня вдругъ скажетъ: садитесь и занимайтесь! Но что же я слышу и вижу, и даже глазамъ своимъ не повѣрилъ: какъ это можетъ быть, что хорошо образованная и дочь генерала можетъ обращать вниманіе на уличныхъ мальчишекъ?» «Въ школѣ я точно другой человѣкъ,—высказывался какъ-то другой взрослый ученикъ: удивительно, право, даже никто никогда тебя не выругаетъ. Я здѣсь впервой еще и «вы» услыхалъ: никто еще меня такъ не называлъ». Это обращеніе учащихся съ учащимися, какъ равныхъ съ равными, внимательное отношеніе къ умственнымъ запросамъ учениковъ и отсутствіе малѣйшаго желанія сузить естественное умственное общеніе со своими учителями тѣсными рамками формальнаго урока, текущаго разъ навсегда введеннымъ порядкомъ—приносили свои плоды. Въ школу шли, не какъ въ казарму, а какъ въ мѣсто, гдѣ охотно и старательно удовлетворяютъ умственнымъ интересамъ людей. Обычное недобровѣріе народа къ интеллигенціи въ школѣ быстро сглаживалось и взаимнѣе его устанавливались самыя лучшія взаимныя отношенія. Малыши быстро осваивались съ школой и часто крайне сильно привязывались къ учительницамъ. Отношеніе къ школѣ взрослыхъ было полно искренности и задушевности: въ нихъ можно было замѣчать развитіе безкорыстнаго интереса и любви къ знанію, къ истинѣ, къ наукѣ—интереса, чуждаго чисто-практическихъ, узко-утилитарныхъ сообра-

женій и расчетовъ. Такими же безкорыстными и прямыми, по свидѣтельству Э. О. Кислинской и А. Н. Слетовой, были отношенія учениковъ къ учительницамъ,—отношенія, чуждыя всякой лести, заискиванія, лицемерія. Не то, чтобы не попадало въ школу натуръ неискреннихъ, лицебрныхъ, грубыхъ и эгоистическихъ; но общая атмосфера, царившая въ стѣнахъ воскресной школы, не оставалась безъ дѣйствія и на нихъ. Противные случаи были исключеніемъ. Вообще же, въ большинствѣ, ученики, согрѣтые гуманнымъ отношеніемъ къ себѣ, гордые тѣмъ довѣріемъ къ нимъ, гордые тѣмъ признаніемъ въ нихъ человѣческаго достоинства, которое они видѣли со стороны учащихся и которое для нихъ было, къ стыду нашему, непривычнымъ,—держали себя такъ, чтобы поддержать хорошее мнѣніе о себѣ. Но такимъ образомъ въ нихъ постепенно воспитывались и укреплялись лучшіе нравственные навыки.

И вотъ между тѣмъ, какъ городское «свѣтское общество» мысленно ужасалось, представляя себѣ что творится въ школѣ, наполненной грубымъ и неблаговоспитаннымъ простонародьемъ, понимающимъ только логику подзатыльника и оплеухи,—это простонародье далеко оставляло за собою своихъ свѣтскихъ критиковъ сердечнымъ и серьезнымъ отношеніемъ къ школѣ. Школа пріобрѣтала себѣ медленнымъ и постепеннымъ, но вѣрнымъ путемъ, незамѣтныхъ, невѣдомыхъ друзей, скрытыя, но дѣйствительныя симпатіи. Школа пріобрѣтала популярность. Если бы учительницы могли по какимъ-нибудь признакамъ судить о ея ростѣ, то онѣ имѣли бы твердую нравственную опору, которая бы вполне вознаградила ихъ и сдѣлала для нихъ нечувствительнымъ и холодный, полувраждебный индифферентизмъ «культурнаго общества» и такую же полувраждебную «терпимость» учебнаго начальства.

II.

Очертивъ этими бѣглыми и неполными штрихами положеніе воскресной школы и отношеніе къ ней различныхъ элементовъ провинціальной публики, мы перейдемъ къ возникновенію процесса противъ А. Н. Слетовой и постараемся обнаружить скрытыя пружины, заправлявшія этой столь энергично поведенной атакой на воскресную школу.

Поводомъ къ процессу послужило, какъ извѣстно, слѣдующее обстоятельство: на всероссійской нижегородской выставкѣ въ павильонѣ воскресныхъ школъ (устроенномъ по порученію мин. нар. просв. извѣстной Х. Д. Алчевской) оказалась и работа А. Н. Слетовой—коротенькій рефератъ о ходѣ дѣлъ въ тамбовской мужской воскресной школѣ. Въ этомъ рефератѣ, между прочимъ, было упомянуто, что такъ какъ нѣкоторые учителя городскихъ школъ дерутся, то въ воскресную школу, предназначеную, главнымъ образомъ, для взрослыхъ, иногда поступаютъ малыши, по словамъ родителей, «непривышные» къ битью; что для нихъ приходится дѣлать исключеніе, такъ какъ отказывать имъ въ приѣмѣ—жалко. Инспекторъ народныхъ училищъ Тамб. уѣзда М. А. Бойковъ видѣлъ рефератъ Слетовой на выставкѣ и, очевидно, не замѣтилъ въ его содержаніи ничего предосудительнаго; по крайней мѣрѣ, онъ даже позд-

равлять и благодарить составительницу, такъ какъ на основаніи этого реферата экспертная комиссія удостоила тамб. воскресную школу диплома 1-й степени. Но видимо не даромъ Э. О. Кислинская, а затѣмъ А. Н. Слетова жаловались на непріязненное отношеніе со стороны извѣстной части общества и въ особенности педагогической корпораціи. Нашлись и болѣе внимательные читатели ея отчета, чѣмъ г. инспекторъ училищъ. И вотъ черезъ нѣсколько времени послѣ того, какъ публика узнала про дипломъ, въ мѣстныхъ «Губ. Вѣд.» можно было прочесть статейку, авторъ которой предпочелъ скрыться анонимомъ. Передавая отзывъ Слетней, статейка явно была на то, чтобы возбудить учителей. Несмотря на іезуитскій тонъ анонимнаго корреспондента-добровольца, намѣренія его были такъ прозрачны, что въ послѣдствіи даже самъ инспекторъ училищъ М. А. Бойковъ писалъ г-жѣ Слетней: «Ваша школа находилась подъ навѣтами злыхъ языковъ... Первая корреспонденція въ «Тамб. Губ. Вѣд.» писана или вашимъ личнымъ врагомъ, или завистникомъ... Авторъ, вѣроятно зналъ, что дѣлалъ». Чтобы придти къ такому заключенію, не нужно было особенной проницательности.

Корреспонденція достигла цѣли: должный эффектъ былъ произведенъ, и учителя послушно начали твердить что Слетова наложила пятно на всю ихъ «корпорацію». Затѣмъ они помѣстили въ «Губ. Вѣд.» открытое письмо, требуя отъ Слетней отчета по поводу инкриминируемой фразы; Слетова, послѣ цѣлаго ряда цензурныхъ мытарствъ, помѣстила въ той же газетѣ свое коротенькое, сдержанное объясненіе. На томъ бы дѣло и кончилось. Наболѣе разсерженные (вѣроятно, какъ разъ наболѣе виновные) учителя излили бы остатокъ своего негодованія, прибѣгнувъ къ обычному, излюбленному въ провинціи орудію—анонимному письму (у г-жи Слетней хранится одно курьезное, чисто-художественное произведеніе этого рода) — и ничего болѣе. Но тутъ въ дѣло замѣшался, и замѣшался довольно существеннымъ образомъ, инспекторъ училищъ Бойковъ. Этотъ почтенный педагогъ, повидимому, усмотрѣлъ въ фразѣ Слетней объ учителяхъ козвенное порицаніе себѣ за упущеніе, за недосмотръ, и тѣмъ болѣе долженъ былъ почувствовать неудовольствіе, что самъ поставилъ себя въ очень странное положеніе, поздравивши и поблагодаривъ Слетову за отчетъ, въ которомъ заключалась такая фраза. Воскресныя школы, какъ извѣстно, пасынки въ нашей системѣ народнаго образованія; съ ними поэтому можно не церемониться. Г. Бойковъ тотчасъ же послѣ появленія въ «Тамб. Вѣд.» корреспонденціи неизвѣстнаго автора, адресуется къ г-жѣ Слетней съ официальной бумагой, въ которой называетъ ея поступокъ доносомъ и требуетъ отъ нея документальныхъ доказательствъ справедливости ея словъ. Г-жа Слетова въ высшей степени сдержанно и корректно объясняетъ, что рефератъ ея былъ посланъ г-жѣ Алчевской лишь въ качествѣ сырого матеріала, что цѣликомъ на выставку онъ попалъ совершенно случайно, но что писала она чистую правду и что ея доказательства—единогласные отзывы учениковъ. Г. Бойкову этого только и нужно. Онъ пишетъ «письмо въ редакцію» «Тамб. Вѣдом.», гдѣ заявляетъ, что г-жа Слетова никакихъ ясныхъ и опредѣленныхъ доказательствъ ему не представила, «а посему и принимая во вниманіе» такія-то и такія-то соображенія, г. инспекторъ признаетъ утвержденіе Слетней «легкомысленнымъ извѣтомъ, ни на чемъ не основаннымъ, съ цѣлью, можетъ

быть, выдѣлить достоинства своей воскресной школы». Еще до появленія въ печати письма г. Бойкова къ нему является отецъ г-жи Слетовой (такъ показывалъ на судѣ самъ г. Бойковъ) и говорить, что если объясненій Слетовой для инспектора недостаточно, то ему будутъ представлены и точно констатированные факты нанесенія побоевъ ученикамъ учителями, факты, удостовѣренные письменными заявленіями самихъ потерпѣвшихъ или ихъ родителей; впредь до представленія этихъ документовъ г. Слетовъ проситъ инспектора воздержаться отъ печатанія какихъ бы то ни было заявленій, относящихся къ этому дѣлу. Но г. Бойкову жаль упустить случай; онъ доволенъ, что засталъ врасплохъ хотя на два дня г-жу Слетову своей бумагой. Онъ уклончиво отвѣчаетъ, что не можетъ ничего обѣщать безъ согласія директора училищъ Д. В. Ильченко. Послѣдній, если вѣрить г. Бойкову, настоялъ на томъ, чтобы немедленно было напечатано письмо, содержащее приведенныя выше оскорбительныя выраженія по адресу г-жи Слетовой. А черезъ день или два они получили отъ послѣдней документально подтвержденныя улики противъ нѣкоторыхъ учителей.

Торопливость, внезапно напавшая на инспектора или директора училищъ, или на нихъ обоихъ вмѣстѣ, отрѣзала имъ всякій путь къ отступленію. Отнынѣ признать правоту г-жи Слетовой они не могли, не отказавшись отъ своихъ прежнихъ словъ, выраженныхъ въ самой категорической формѣ, да еще печатно. А такъ какъ эти слова заключали въ себѣ не только простое опроверженіе на рефератъ Слетовой, но и оскорбительныя выраженія по ея адресу, то отказаться отъ своихъ словъ было неловко, даже болѣе—невозможно, не извинившись предъ г-жею Слетовой за эти оскорбленія. Чтобы избѣгнуть подобной перспективы, можно пойти на что угодно. И вотъ мы видимъ, что съ этихъ поръ для борьбы съ г-жею Слетовой инспекторъ М. А. Бойковъ все время дѣйствовавшій, если вѣрить его словамъ, съ вѣдома директора училищъ Д. В. Ильченко, перестаетъ брезговать какими бы то ни было средствами.

Онъ получаетъ отъ Слетовой три копіи съ писемъ отъ родителей потерпѣвшихъ учениковъ, и вмѣсто того, чтобы воспользоваться представившимся ему случаемъ провѣрить справедливость или ложность сообщенія Слетовой, призываетъ къ себѣ учителей и поручаетъ имъ разслѣдовать обстоятельства, изложенныя въ письмахъ, т.-е. предлагаетъ имъ самимъ произвести надъ собою слѣдствіе! Вполнѣ естественно, что подъ руководствомъ подобныхъ слѣдователей слѣдствіе о побояхъ, наносимыхъ учителями—ученикамъ, превратилось въ слѣдствіе о вымогательствахъ г-жею Слетовой ложныхъ показаній противъ учителей у родителей бывшихъ и настоящихъ школьниковъ и о разсылкѣ ею тайныхъ агентовъ для этой цѣли, съ заранѣе сфабрикованными «показаніями». Рядомъ съ этимъ начинаются еще какія-то подпольныя сношенія инспектора съ полиціей, въ результатъ которыхъ на Божій свѣтъ рождается, повидимому, еще какое-то новое «слѣдствіе». По крайней мѣрѣ, лицъ, давшихъ Слетовой письменныя свѣдѣнія о побояхъ въ стѣнахъ школы, начинаютъ вызывать и даже прямо забирать въ часть, снимать съ нихъ тамъ какіе-то допросы—для чего, какъ, по чьему предписанію?—неизвѣстно. Г. Бойковъ отказался повѣдать суду о сущности своихъ сношеній съ полиціей, прячась за покровомъ служебной тайны—«государственной тайны»,

какъ иронизировать защитникъ Слетовой. Повидимому, однако, никакой узаконенной формы вмѣшательство полиціи не носило. Когда судебный слѣдователь, основываясь на словахъ Бойкова, обратился во II-ю полиц. часть съ просьбою подѣлиться съ нимъ результатами полиц. слѣдствія и въ частности прислать одну важную бумагу, на которую ссылался г. Бойковъ,—то отъ полиц. пристава онъ получилъ въ отвѣтъ официальное увѣдомленіе, что никакихъ бумагъ и свѣдѣній по этому дѣлу въ полиціи не было и сейчасъ не имѣется. Отсюда можно, кажется, съ вѣроятностью заключить, что дѣйствія полиціи носили совершенно неофициальный характеръ и сводились къ простой дружеской услугѣ,—можно сказать, къ *домашней услугѣ* г. инспектору. А результатъ этой услуги, по показанію одного изъ свидѣтелей, былъ таковъ; у многихъ лицъ, которыя могли бы кое-что поразсказать о школьныхъ порядкахъ, поневолѣ «прилипъ языкъ къ гортани», потому что у всѣхъ у нихъ въ памяти была специальная тамбовская поговорка: «въ часть попадешь, другимъ голосомъ запоешь».

Этого было мало. Ободренные явно пристрастнымъ поведеніемъ своего начальства, тѣ изъ учителей, которые чувствовали себя кругомъ виноватыми, набрались смѣлости и почувствовали, что у нихъ развязаны руки. Въ распоряженіе суда, между прочимъ, было доставлено А. Н. Слетовой письмо учительницы 1-й женской воскресной школы О. К. Лысогорской, сообщающей такой фактъ: однажды на урокъ ученицы дружнымъ хоромъ заявляютъ ей, что наканунѣ въ мужскихъ школахъ ихъ братьямъ учителя объявляли, что «по городу ходятъ какіе-то бродяги и отбираютъ какія-то показанія противъ учителей». Учителя поэтому всеѣмъ «строго-на-строго приказали никакихъ бумагъ не подписывать, кто бы ихъ ни давалъ».

Такимъ образомъ, принять былъ цѣлый рядъ мѣръ предосторожности для огражденія интересовъ виновныхъ учителей. Со всѣхъ сторонъ противъ А. Н. Слетовой поднялись враждебныя силы. Поддержки не было видно почти нигде. Въ городѣ ходили слухи, будто учителя и учебное начальство собрали какія-то свѣдѣнія о томъ, что при А. Н. Слетовой въ школѣ преподавалось совсѣмъ не то, что слѣдуетъ, и т. п. Въ самомъ дѣлѣ, приобрести такой солидный козырь, какъ обвиненіе А. Н. Слетовой, какъ завѣдующей школою, въ тенденціозномъ веденіи школы,—обвиненіе, граничащее съ всеильнымъ у насъ обвиненіемъ въ неблагонадежности,—учебному начальству было бы весьма пріятно. Это сразу и легко разрубило бы для нихъ начинавшій сильно запутываться гордіевъ узелъ... Само собою разумѣется, были предприняты въ этомъ направленіи кое-какіе шаги, вродѣ внезапной ревизіи директоромъ училищъ бібліотеки воскресной школы. Ревизія, однако, не дала ровно никакихъ результатовъ. Никакихъ «тенденціозныхъ» книгъ ученикамъ не выдавалось: все это были обычныя народныя изданія. Оказалось среди нихъ нѣсколько книгъ, вполнѣ невинныхъ, но, повидимому, не включенныхъ въ министерскій каталогъ,—фактъ, достаточный лишь для легкаго замѣчанія. Приходилось предпринимать иные шаги... Впрочемъ, мы умолчимъ о нихъ, ибо намъ пришлось бы опять залѣзть въ область «государственныхъ тайнъ» г. Бойкова, конфиденціальныхъ сношеній съ вѣдомствами, совершенно посторонними школьному дѣлу по 716 статьѣ устава о службѣ гражданской... Притомъ же, надъ і вовсе не всегда необходимо ставить точки. Для нашей цѣли достаточно лишь

отметить, что фатальная неудача и тут постигла «конфиденциальные» приемы гг. Бойкова, Ильченки и К^о.

Какъ бы то ни было, все-таки сдѣлано было достаточно, чтобы поставить А. Н. Слетову въ почти безвыходное положеніе. Досужая сплетня, получившая массу новаго матеріала, настолько сбивала общественное мнѣніе, что М. А. Бойковъ даже почувствовалъ въ себѣ достаточно смѣлости написать г-жѣ Слевой: «Вы виноваты, и общественное мнѣніе противъ васъ».

Въ такомъ положеніи не оставалось иного выхода, кромѣ слѣдующаго: довести дѣло до гласнаго и открытаго суда, чтобы всѣмъ закулиснымъ интригамъ противопоставить силу правды, не боящейся свѣта. Это рѣшеніе было ускорено двумя обстоятельствами: во-первыхъ, М. А. Бойковъ предложилъ Слетову чрезъ третье лицо выйти въ отставку, въ виду того, что онъ имѣетъ отъ директора народныхъ училищъ Д. В. Ильченко прямое порученіе *уволить* ее; во вторыхъ, во время одного изъ своихъ посѣщеній воскресной школы самъ Д. В. Ильченко круто и несдержанно заявилъ А. Н. Слетову: «Если вы не знаете своихъ обязанностей, то лучше уходите изъ школы». Эти слова, конечно, еще не даютъ представленія о тонѣ, которымъ они были сказаны, тогда какъ извѣстно, что «тонъ дѣлаетъ музыку». Но воображеніе читателя живо нарисуетъ предъ собою всю эту сцену, если онъ вспомнитъ, что г. Ильченко—это то самое «начальство», которое, въ описаніи Э. О. Кислинской, сотрясало перетомъ въ воздухѣ, подавало два пальца вмѣсто руки и зловѣще произносило: «Отнюдь никакихъ географій!»

И вотъ, съ одной стороны А. Н. Слетова удаляется отъ дѣлъ, но за то съ другой стороны М. А. Бойковъ получаетъ отъ ея повѣреннаго А. Я. Тимофеева письмо, требующее отъ него печатнаго заявленія, что онъ отказывается отъ оскорбительныхъ выраженій по адресу Слетней, извиняется за нихъ и снимаетъ съ нея обвиненіе въ «легкомысленномъ извѣтѣ». Г. Бойкову ставилось на видъ, что въ случаѣ его несогласія на это противъ него будетъ возбуждено судебное преслѣдованіе. На это письмо г. Бойковъ кладетъ глубокомысленную резолюцію.

Вотъ подлинный текстъ резолюціи г. Бойкова:

«Это письмо есть угроза должностному лицу, направленная против органа законной власти (sic), съ цѣлью побудить оную къ желаемымъ со стороны угрожающаго дѣйствіямъ; а посему составляетъ преступленіе противъ порядка управленія (!!!) и, какъ нарушающее общій государственный интересъ, подлежитъ преслѣдованію помимо моей (органа власти) жалобы, въ порядкѣ подеудности по роду угрозъ и должности угрожаемаго (31 ст. уст. о нак. и 286, 286¹ и 284 ст. улож.). Отвѣту письмо г-на Тимофеева не подлежитъ».

21

Мы не знаемъ, почему г. Бойковъ, квалифицируя такимъ образомъ поступокъ А. Я. Тимофеева, какъ уголовное преступленіе, отказался отъ мысли подвести его подъ уголовную отвѣтственность. Это ужъ тайна г. Бойкова. Во всякомъ случаѣ, онъ ограничился лишь тѣмъ, что созвалъ къ себѣ городскихъ учителей и повелъ съ ними слѣдующую, довольно прозрачную, но политично составленную рѣчь: «Если вы, господа, считаете себя виновными—я готовъ признать слова Слетовой, что вы будете учениковъ, правдой, и принести извиненіе, что назвалъ ихъ легкомысленнымъ извѣтомъ; если же вы считаете себя правыми, то... (знаменательное много-

точіе) поступайте такъ, какъ считаете нужнымъ». Такимъ образомъ, истинной причиной возникновенія процесса противъ Слетовой было *давленіе на учителей инспектора М. А. Бойкова*, и послѣдній съ присущей ему дѣвственной наивностью самъ выдалъ себя головой, заявивши сначала въ «Русской Мысли», а потомъ на судѣ, что не будь этого злосчастнаго письма А. Я. Тимофеева, надъ всѣмъ происшедшимъ «былъ бы поставленъ крестъ», и никакого процесса не возникло бы...

Такъ вступили учителя въ исправленіе навязанныхъ имъ ролей обвинителей А. Н. Слетовой. До чего безцеремонно производилась вербовка на эти роли, показываетъ намъ заявленіе, сдѣланное на предварительномъ слѣдствіи однимъ изъ учителей, г. Кряжевымъ. Онъ выразилъ удивленіе по поводу своего вызова въ камеру судебнаго слѣдователя и заявилъ, что не имѣетъ никакого желанія преслѣдовать А. Н. Слетову судомъ; прошеніе же прокурору онъ подписалъ въ полной увѣренности, что подписываетъ письмо въ редакцію газеты; его ввели въ ошибку, вызвавши наскоро во время урока изъ класса и здѣсь давши ему бумагу для подписи, но не разъяснивши обстоятельно, въ чемъ дѣло... Въ этомъ же смыслѣ небезинтересно и то, что первоначально долженъ былъ почувствовать себя оклеветаннымъ Слетовой и еще одинъ учитель, впоследствии также отказавшійся отъ обвиненія: онъ вступилъ въ должность уже спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, какъ рефератъ г-жи Слетовой фигурировалъ на выставкѣ.

Такъ постепенно росло и раздувалось это дѣло, при дѣятельномъ участіи инспектора и директора училищъ, неумоимо подливавшихъ масло въ огонь.

Учителя, даже самые виновные, смѣло ожидали процесса. Ими, а главное, ихъ могущественными патронами было пущено въ ходъ столько всевозможныхъ средствъ, что побѣда Слетовой казалась мало вѣроятной. Общественное мнѣніе высказывалось смутно и неопредѣленно. Интересъ къ дѣлу былъ, но интересъ довольно мало осмысленный. Процессомъ интересовались не потому, чтобы провидѣли его глубокое общественное значеніе, а просто потому, что на скамью подсудимыхъ садилась молодая дѣвушка, обвинителями же ея выступало 11 (сначала даже 13) городскихъ учителей, за спинами которыхъ стояло учебное начальство. Многіе сомнѣвались въ томъ, что ее обвинять, но такого торжества ея, какое послѣдовало на дѣлѣ, не ожидалъ никто, даже сама подсудимая и наиболѣе близкіе ей люди...

Что же такое разстроило всѣ расчеты гг. Ильченко, Бойкова и К? Что это былъ за факторъ, котораго не принялъ въ соображеніе или, по крайней мѣрѣ, не оцѣнилъ въ достаточной степени никто изъ ожидавшихъ процесса?—Это были тѣ незамѣтные, невѣдомые друзья воскресной школы изъ класса простолюдиновъ, о которыхъ мы говорили въ предыдущей главѣ.

Свидѣтелями на судѣ въ пользу А. Н. Слетовой выступили сапожники, шапочники, каретники, желѣзнодорожные рабочіе—все люди простые. Но они производили впечатлѣніе своей твердостью, горячимъ, убѣжденнымъ тономъ, умственной и нравственной стойкостью. Они повѣдали суду смѣло всю правду, иногда очень щекотливую. Они не проявляли никакой боязни, касаясь въ своихъ показаніяхъ учителей, инспектора училищъ, полиціи. Они повѣдали, какъ много людей ихъ среды заодно съ ними могли бы поднять свой голосъ на судѣ въ защиту Слетовой, если бы не обычныя нравственныя болѣзни ихъ среды: темнота, невѣжество, не-

знаніе законовъ, нежеланіе «валоводиться», инстинктивный страхъ передъ «судебной волокитой», опасеніе полиціи, наконецъ, боязнъ за своихъ дѣтей, учащихся или предназначенныхъ къ ученію въ городскихъ школахъ...

«Да это подученные свидѣтели!»—вопіали учителя. Одно изъ писемъ, представленныхъ Слетовой въ качествѣ вещественнаго доказательства (отъ сапожника и мелочного торговца Е. А. Крылова) было ими заподозрѣно. Судебному слѣдователю было заявлено, что это письмо—не родливое, что Крыловъ самъ не могъ написать. Потребовали особой экспертизы, чтобы установить, точно ли настолько грамотенъ, логиченъ и уменъ Крыловъ, чтобы написать подобное письмо. Допрашивали его, что онъ читаетъ. Заставили Крылова писать при свидѣтеляхъ свою біографію. Экспертъ былъ вызванъ по указанію обвинителей. Не смотря на весь этотъ странный характеръ экспертизы—точно было бы сказать, этого форменнаго экзамена по русской словесности, логикѣ и грамматикѣ, произведеннаго экзаменаторомъ, назначеннымъ обвинителями—результатъ экспертизы вышелъ совершенно неожиданный. Крыловъ выдержалъ экзаменъ. Оказалось, что онъ знакомъ со всѣми классиками, особенно почитаетъ, какъ проповѣдника и публициста, Л. Толстого, читаетъ газеты, и что написать свою біографію для него не представляетъ затрудненія. Два брата Зайцевы, сапожники, принимавшіе горячее участіе въ собираніи данныхъ въ пользу А. Н. Слетовой, тоже возбудили подозрѣнія и насмѣшки учителей, особенно когда они заявили, что дѣйствовали безъ просьбы А. Н. Слетовой, сами, «въ интересахъ справедливости».—«Скажите, пожалуйста!—пытался сѣронизировать по этому поводу одинъ изъ учителей на предварительномъ слѣдствіи:—да у насъ завелись какіе то сапожники-идеалисты!» За этимъ опять слѣдуетъ инквизиторскій допросъ, изъ котораго обнаруживается, что Зайцевы много читали и читаютъ (хотя одинъ изъ нихъ и грамотѣ выучился самоучкой), что они выписывали газеты: сначала «Тамбовскія Губернскія Вѣдомости» и «Родину», затѣмъ «Свѣтъ», «Биржевыя Вѣдомости» и «Сынъ Отечества» и могутъ, пожалуй, и дѣйствительно понимать, что такое справедливость... Не вдаваясь въ дальнѣйшія детали, скажемъ коротко, что передъ учителями и большинствомъ публики выступила еще совершенно имъ незнакомая категорія людей—представители только еще нарождающейся у насъ на Руси народной, рабочей интеллигенціи. Многимъ изъ нихъ воскресная школа дала первое нравственное воспитаніе, хотя зародила и дальше подвинула ихъ сама жизнь, неудержимо идущая впередъ, и не стоящая на мѣстѣ. Въ нихъ прочно залегла горячая любовь къ свѣту, къ знанію, къ истинному просвѣщенію и его безкорыстнымъ служителямъ, и они ревностно вступились за свою воскресную школу и за свою учительницу-завѣдующую, о которыхъ у нихъ осталось самое свѣтлое воспоминаніе. Только благодаря этимъ людямъ и можно было разрушить всѣ хитросплетенія Бойкова и К°, только благодаря имъ и удалось, не смотря на всѣ препятствія, вывести на свѣтъ Божій всю неприглядную правду о томъ, что творится въ сферахъ нашей официальной педагогіи.

III.

Я думаю, что у всякаго, прочитавшаго предыдущія страницы, невольно явится

мысль: что же, однако, за личности эти гг. инспекторъ народныхъ училищъ Тамбовскаго уѣзда М. А. Бойковъ и директоръ училищъ Тамбовской губ. Д. В. Ильченко, которые сумѣли вести себя такъ изумительно нетактично во всемъ этомъ дѣлѣ? Я чувствую, что необходимо дать имъ обоимъ хотя бы краткую характеристику.

Le style—s'est l'homme, говоритъ французская пословица. О г. Бойковѣ вы, я полагаю, вынесете вполне опредѣленное представленіе, если прочтете тѣ многочисленные «опроверженія», которыя ему приходилось за послѣднее время разсылать чуть ли не во все русскія повременныя изданія въ такомъ количествѣ, что нѣкоторыя изъ нихъ заподозрили въ немъ серьезное намѣреніе сдѣлаться ихъ постояннымъ бесплатнымъ сотрудникомъ. Любопытный матеріалъ въ литературномъ отношеніи представляютъ также ежегодные отчеты о состояніи школьнаго дѣла въ Тамбовскомъ уѣздѣ, представляемые имъ уѣздному земскому собранію. Содержаніе ихъ, правда, довольно однообразно. Вы подивились бы той замѣчательной аккуратности, той математической точности, съ которою г. Бойковъ переписываетъ дословно, изъ года въ годъ цѣлыя тирады, обыкновенно высокопарныя и, очевидно, стоившія ихъ автору немалыхъ усилій. Но скудность содержанія этихъ отчетовъ съ излишкомъ выкупается богатствомъ и разнообразіемъ слога. Тутъ на каждомъ шагу вы встрѣчаете: то важное «а посему и принимая во вниманіе», то глубоко-мысленное «въ разсужденіи вышесказанныхъ обстоятельствъ», то дѣловое «по обслѣдованіи изъясненныхъ въ подлежащихъ документахъ фактовъ», то, наконецъ, умиленное «въ виду благотворительныхъ вліяній осѣдлости учителей на мѣстное населеніе», или еще болѣе умиленное и торжественное названіе «будущихъ гражданъ неба и земли», которое онъ даетъ въ своемъ послѣднемъ отчетѣ тѣмъ самымъ школьникамъ, которыхъ наиболѣе протежируемые г. Бойковымъ учителя, какъ оказывается, преисправно поколачиваютъ и даже поскѣкаютъ...

Ознакомившись съ подобными литературными упражненіями, вы, конечно, тотчасъ скажете, что ихъ авторъ формалистъ-чиновникъ, отмѣнно аккуратный и отмѣнно педантичный, но за то необычайно, до приторности елейный, или, какъ выражается одна изъ героинь г. Пьера Боборыкина, «исусистый». И вы не ошибетесь.

Люди этой категоріи могутъ быть всегда точными исполнителями буквы начальственныхъ предписаній; имъ какъ будто самимъ Богомъ, въ числѣ прочихъ даровъ природы, отъ рожденія присвоается мундиръ дѣлопроизводителя. Но на роляхъ, хоть сколько-нибудь отвѣтственныхъ, они моментально проявляютъ свою неспособность. Она нигдѣ не могутъ не пересолить, не переусердствовать, и когда вы ихъ заставите молиться—будьте увѣрены, что они станутъ расшибать себѣ голову объ полъ.

Отсутствіе чувства мѣры, постоянные пересолы—это отличительная особенность г. Бойкова. Вотъ нѣсколько примѣровъ, взятыхъ изъ его апологіи собственной служебной дѣятельности,—апологіи, напечатанной на основаніи извѣстныхъ статей цензурнаго устава въ журналѣ «Русская Мысль».

На тамбовскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи ему пришлось выслушать много неприятнаго отъ разныхъ лицъ, въ особенности же отъ докладчика ревизіонной комиссіи, бывшаго городского головы Д. И. Тимофеева. Докладчикъ обнаружилъ

передъ собраніемъ, что г. Бойковъ присвоиваетъ себѣ права, не предоставленныя ему закономъ: такъ онъ своею единоличною властію назначаетъ, увольняетъ и перемѣщаетъ учителей, безъ всякихъ соглашеній съ земскою управою и даже съ училищнымъ совѣтомъ, который собирается крайне рѣдко и въ маломъ составѣ, не находится въ курсѣ дѣла и только санкціонируетъ все то, что дѣлается г. Бойковымъ; что цифра ежегодныхъ увольненій и перемѣщеній учителей равняется 30% ихъ общаго числа, такъ что приблизительно черезъ три года всѣ учителя мѣняются мѣстами; что это обстоятельство должно плохо отзываться на ходѣ школьнаго преподаванія. Земское собраніе согласилось съ мнѣніемъ ревизіонной комиссіи, устами гласнаго А. Н. Чичерина признало въ дѣйствіяхъ М. А. Бойкова явные признаки *произвола* и постановило просить инспектора училищъ о точномъ соблюденіи относящихся сюда статей закона. Газеты подхватили этотъ фактъ, увидавши въ дѣйствіяхъ г. Бойкова какое-то странное примѣненіе къ педагогѣ извѣстной игры «въ свои сосѣди». Г. Бойковъ обидѣлся и отвѣчалъ цѣлымъ рядомъ оффиціальныхъ «опроверженій». Въ главномъ изъ нихъ (см. «Русскую Мысль») онъ оспариваетъ точность цифръ Д. И. Тимофеева, и главное, прибавляетъ, что большинство перемѣщеній и увольненій имъ произведено вслѣдствіе прошеній со стороны самихъ учителей. Ограничьте г. Бойковъ этимъ, ему можетъ быть, еще и повѣрили бы; почему знать, можетъ статься, что учителя Тамб. у. сами по природѣ кочевники, люди съ цыганскими наклонностями. Но г. Бойковъ самъ разрушаетъ лѣвой рукой то, что созидаетъ правой, мимоходомъ замѣчая, что Слетова *сама, по собственной инициативѣ*, вышла въ отставку, какъ это видно изъ ея прошенія объ увольненіи отъ такого-то числа. Но если всѣ учителя такъ же «свободно» увольняются и перемѣщаются, какъ г-жа Слетова, то для чего г. Бойковъ писалъ свое опроверженіе?

Съ такими же постоянными пересолами ведется г. Бойковымъ и вся его полемика съ г. Иванюковымъ по поводу дѣла А. Н. Слевой. Такъ, напр., желая изолировать г-жу Слетову и представить всю «исторію» съ тамб. мужской воскресной школой ея узко-личнымъ дѣломъ, г. Бойковъ не останавливается предъ слишкомъ явнымъ и даже наивно-грубымъ извращеніемъ фактовъ. Онъ утверждаетъ, будто въ школѣ произошелъ «расколъ» послѣ столкновенія съ городскими учителями; будто при этомъ расколѣ «одна сторона» прямо заявила: «Вы или мы, но вмѣстѣ мы не можемъ оставаться въ школѣ». Между тѣмъ, какъ согласить съ этимъ слѣдующій фактъ: тотчасъ по удаленіи А. Н. Слевой она получила извѣщеніе за подписью 9-ти лицъ ¹⁾, что «состоявшееся 20 октября общее собраніе преподающихъ въ тамбовской мужской воскресной школѣ *единогласно* постановило выразить ей сердечную благодарность за 6-лѣтніе плодотворные труды на пользу народнаго образованія». Стало быть, на этомъ общемъ собраніи не было никого, кто бы ставилъ дилемму «мы или вы»... Въ чемъ же дѣло? Ларчикъ открывается крайне просто. Подъ названнымъ нами документомъ нѣтъ подписи нѣкоей г-жи Заринской; она

¹⁾ Законоучитель школы свящ. П. Добротворцевъ, Ѳ. Мягкова, П. Тихобровъ, П. Смирновъ, Е. Смирнова, Ив. Знаменскій, В. Кохлевская, А. Коржавина, О. Лысогорская.

блистала своимъ отсутствіемъ и на общемъ собраніи 20 октября. Этотъ фактъ и составляетъ тотъ «великій расколъ», о которомъ говорить г. Бойковъ.

Г-жа Заринская занимала въ рядахъ учебнаго персонала воскресной школы совершенно особое, исключительное положеніе. Въ то время, напр., какъ для обыкновенныхъ смертныхъ утвержденіе въ званіи преподавателя воскресной школы сопряжено съ извѣстными формальностями, г-жа Заринская занималась въ школѣ по простому словесному разрѣшенію училищнаго начальства; объ ея опредѣленіи и увольненіи въ воскресной школѣ нѣтъ даже никакихъ бумагъ. О своемъ уходѣ и его причинахъ она также ничего не заявляла завѣдующей школою, но отнеслась непосредственно къ инспектору или даже директору училищъ. Г. Бойковъ любезно называетъ эту особу «полезнѣйшимъ лицомъ въ школѣ», за что она, конечно, можетъ лишь быть ему благодарна, особенно если имѣетъ право принять эту высокую оцѣнку своихъ трудовъ, какъ должное. Но всему есть свои мѣры, и ужъ далѣе едва-ли можетъ быть благодарна г-жа Заринская инспектору училищъ за то, что въ ея уста онъ влагаетъ фразу: «Вы или мы, но вмѣстѣ мы не можемъ оставаться въ школѣ». Какими бы достоинствами ни отличалась г-жа Заринская, но она все таки не принадлежитъ къ числу коронованныхъ особъ, которымъ грамматикой разрѣшается говорить о себѣ въ множественномъ числѣ, и врядъ ли страдаетъ маніей величія... Къ тому же, послѣ ухода г-жи Слетовой, эта особа не вступила вновь въ ряды учебнаго персонала воскресной школы, и, стало быть, ея торжественное «мы» противопоставляется въ фразѣ, приписываемой ей г. Бойковымъ, не только одной г-жѣ Слетовой, но и остальному персоналу школы. Въ этомъ видѣ противопоставленіе: «вы или «мы», но вмѣстѣ мы не можемъ оставаться въ школѣ»—пріобрѣтаетъ особенное великолѣпіе. Какъ видите, г. Бойковъ очень услужливъ, но, я думаю, никому изъ его друзей «не поздоровится отъ эдакихъ похвалъ!»

Изъ другихъ образчиковъ развязности г. Бойкова въ полемикѣ заслуживаетъ особеннаго вниманія слѣдующій. Въ «Русской Мысли» г. Бойковъ взводитъ на А. Н. Слетову обвиненіе въ вымогательствѣ ложныхъ показаній противъ учителей, причѣмъ цитируетъ показаніе каретника Дм. Незнамова, данное ему или его подчиненнымъ въ присутствіи какихъ-то таинственныхъ «постороннихъ лицъ». Показаніе это, будто бы, гласитъ, что его, Незнамова, «въ школѣ никто никогда не билъ»; что его брать также «на побои со стороны учителей никогда не жаловался»; что «случая съ разбитіемъ скрипки о его голову никогда не было»; что противоположное показаніе, данное имъ Слетовой, по ея личной просьбѣ, писано «подъ ея диктовку» и не соотвѣтствуетъ дѣйствительности; что, наконецъ, далѣ ей записку Незнамовъ потому, что не подозрѣвалъ, «съ какой кляузной цѣлью» она Слетовой понадобилась...

Сильное показаніе, не правда ли? И однако, оно оказывается какимъ-то полумиѣическимъ. На предварительномъ слѣдствіи въ числѣ бумагъ, доставленныхъ г. Бойковымъ въ распоряженіе слѣдователя, подлинника этого показанія не оказалось ¹⁾. Г. Бойковъ сослался на то, что этотъ документъ находится при дѣлахъ

¹⁾ Нелишнимъ является здѣсь привести слѣдующій фактъ. Какъ явствуетъ изъ

И полиц. участка г. Тамбова. Но на запросъ слѣдователя изъ участка отвѣчали, что тамъ нѣтъ и никогда не было подобной бумаги... Наконецъ, ея не было представлено и суду. Тогда А. Н. Слетова рѣшилась провѣрить всю эту темную исторію и вытребовала Незнамова отъ себя свидѣтелемъ въ судъ. И что же? Незнамовъ по прежнему показалъ, что его дралъ за уши учитель Дубровский, брата же его бывалъ учитель Львовъ; что хотя братъ его и не сознается, чтобы о его голову учитель Афанасьевъ разбилъ однажды скрипку, но „со стороны“ онъ слышалъ объ этомъ еще гораздо раньше процесса и даже раньше появленія на свѣтъ реферата г-жи Слетней, изъ-за котораго началось все это дѣло...

Можно было бы отмѣтить еще цѣлый рядъ противорѣчій и извращеній истины въ произведеніи пера г. Бойкова. Но врядъ ли оно заслуживаетъ такого усиленнаго вниманія. Г. Бойковъ самъ невольно сдѣлалъ ему должную оцѣнку, когда, закончивъ свое описаніе тамбовской исторіи и сообщивъ о перенесеніи дѣла на судъ, говоритъ: «Затѣмъ надъ всѣмъ вышеописаннымъ стоитъ нынѣ вопросительный знакъ». Дѣйствительно, трудно отнести произведеніе г. Бойкова къ какому-нибудь особому роду литературныхъ трудовъ иначе, какъ посредствомъ одного большаго вопросительнаго знака.

Литературной фізіономіи г. Бойкова вполне соотвѣтствуетъ прошлое и настоящее его служебной карьеры. Впрочемъ, о его прошломъ извѣстно только, что инспекторствовалъ онъ раньше въ Орловской губ., гдѣ съ нимъ произошелъ, говоря словами Достоевскаго, очень скверный анекдотъ. Прочелъ онъ однажды въ «Моск. Вѣд.» одну руководящую статью, и такъ какъ «Моск. Вѣд.» держались въ ту пору officialнаго тона, то онъ и принялъ ее основательно въ сурезъ. А «Моск. Вѣд.», между прочимъ, разсуждая объ успѣхахъ штундизма, говорили, что значительный толчекъ развитію этой секты дало распространеніе евангелія и библии на русскомъ языкѣ, такъ какъ благодаря этому всякій простолюдинъ получилъ возможность читать святую книгу и толковать ее по своему, кривъ и вкось. Отсюда газета выводила что словесныя пастырскія разъясненія для народа важнѣе, чѣмъ библия, что безъ этихъ разъясненій, сама по себѣ, даже эта святая книга можетъ принести не пользу а вредъ. Стараясь, по мѣрѣ силъ своихъ, угадать, куда дуетъ вѣтеръ, г. Бойковъ ощутилъ по прочтеніи этой статьи «просіяніе своего ума» и... ревностно принялся отбирать изъ всѣхъ подвѣдомственныхъ ему школъ экземпляры библии на русскомъ языкѣ. Несмотря на всѣ представленія и возраженія училищнаго Совѣта, несмотря на усиленную репрессию со стороны земства, отказавшаго ему въ лошадяхъ для развѣздовъ, онъ до тѣхъ поръ настойчиво производилъ эту операцію, пока объ его усердіи не дошли вѣсти до болѣе вліятельныхъ сферъ. Г. Бойковъ ожидалъ поощренія, но вышло наоборотъ, и онъ потонулъ—впрочемъ, лишь для того, чтобы, переждавъ время, снова благополучно вынырнуть въ другомъ уѣздѣ другого учебнаго округа.

У насъ, въ Тамбовѣ, кромѣ исторіи съ педагогической игрой въ свои сосѣди

судебнаго «протокола осмотра вещественныхъ доказательствъ», доставленное въ распоряженіе слѣдователя г. Бойковымъ «дѣло о завѣдующей воскресной школой А. Н. Слетней» оказалось неполнымъ: три листа изъ него г. Бойковымъ были вырваны.

и съ преслѣдованіемъ г-жи Слетовой, онъ уже недавно вполне достаточно проявилъ себя, какъ крайне придирчивый формалистъ-чиновникъ, съ которымъ трудно уживаться въ мирѣ. Такъ, г. Бойковъ состоялъ наблюдателемъ за педагогическими курсами, устроенными для учителей и учительницъ земскихъ школъ Тамбовскаго уѣзда подъ руководствомъ извѣстнаго педагога Н. Ф. Бунакова. Въ этой должности, кромѣ множества мелкихъ стычекъ съ маситымъ руководителемъ курсовъ, стычекъ, фатально вызываемыхъ неумѣстнымъ вмѣшательствомъ г. Бойкова, этотъ послѣдній проявилъ себя еще долгой распрей съ уѣзднымъ земствомъ, на средства котораго устроены курсы. Дѣло въ томъ, что г. Бойковъ приложилъ особенное стараніе къ тому, чтобы сдѣлать педагогическіе курсы вполне закрытымъ учебнымъ заведеніемъ, а разъ вставши на эту почву, онъ уже не могъ не переусердствовать. Спорнымъ пунктомъ между нимъ и уѣзднымъ земствомъ былъ вопросъ объ открытіи доступа на курсы тремъ лицамъ отъ уѣзднаго земства, между которыми особенное вниманіе обращаютъ на себя бывшій городской голова Д. И. Тимофеевъ и членъ уѣздной земской управы г. Никитинъ. Первый изъ нихъ является даже инициаторомъ курсовъ, такъ какъ именно онъ внесъ въ прошлую сессию уѣзднаго земскаго собранія предложеніе о ихъ устройствѣ. Но г. инспекторъ училищъ, имѣющій, какъ видно изъ предыдущаго, свои счеты съ Д. И. Тимофеевымъ по земскому собранію, построилъ очень оригинальную аргументацію. Д. И. Тимофеевъ, разсуждаетъ онъ, былъ инициаторомъ курсовъ не какъ частный человѣкъ, а какъ гласный, а мѣсто гласнаго онъ занималъ, какъ городской голова Тамбова. Переставши теперь занимать мѣсто городского головы, Д. И. Тимофеевъ перестаетъ быть и гласнымъ, а инициаторомъ курсовъ онъ былъ именно какъ гласный; слѣдовательно, онъ перестаетъ быть инициаторомъ курсовъ. Что же касается члена управы Никитина, то г. Бойковъ отказался видѣть въ немъ болѣе, чѣмъ простаго наемника земства, такъ какъ г. Никитинъ—членъ управы не изъ гласныхъ, и, слѣдовательно, не можетъ считаться въ числѣ лицъ, на средства которыхъ содержатся курсы. Впрочемъ, благодаря настойчивости председателя уѣздной земской управы М. П. Колобова и руководителя курсовъ Н. Ф. Бунакова, эти недоразумѣнія и пререканія начали разрѣшаться въ пользу недопускаемыхъ: двое изъ нихъ уже добились входныхъ билетовъ, а о послѣднемъ ожидается резолюція самого г. губернатора.

Такъ какъ ужъ зашла рѣчь объ этихъ учительскихъ курсахъ, то передамъ кстати отзывъ Н. Ф. Бунакова и нѣкоторыхъ другихъ постороннихъ лицъ о тамбовскихъ учителяхъ. Ихъ большинство поражало своею «дисциплинированностью», граничащей съ запуганностью. Очевидно, надъ ними долгое время тяготѣли «ежевыя рукавицы» инспекціи и дирекціи. Въ числѣ прочихъ фактовъ интересенъ, между прочимъ, тотъ, что многіе учителя положительно «не смѣютъ» брать книгъ изъ образованной недавно при управѣ библіотеки для служащихъ земства, потому что имѣютъ основаніе предполагать, что инспекторъ училищъ неблагосклонно отнесется къ этому, такъ какъ эта библіотека составлялась помимо него и находится внѣ контроля его «недреманнаго ока».

Впрочемъ, мы уже видѣли, что среди учителей есть и весьма развязные люди, какъ это показала исторія г-жи Слетовой. Ихъ развязность, конечно,

какъ и все въ мірѣ, имѣетъ свои «достаточныя основанія», состоящія въ особомъ, исключительномъ отношеніи къ нимъ инспекціи. А каково это отношеніе, показываетъ слѣдующій, ужъ совсѣмъ недавній фактъ. 27-го іюня, на засѣданіи педагогическихъ курсовъ инспекторъ народныхъ училищъ М. А. Бойковъ съ нѣкоторою помпой объявилъ во всеобщее свѣдѣніе о полученіи 5-ю учителями народныхъ училищъ, въ томъ числѣ гг. *Толстовымъ*, *Мельниковымъ* и *Дубровскимъ* серебряныхъ медалей «за усердіе». По странному совпаденію, въ тотъ же день тамбовскимъ окружнымъ судомъ былъ объявленъ въ окончательной формѣ приговоръ по дѣлу А. Н. Слетовой. Въ приговорѣ этомъ, между прочимъ, можно было прочесть: «Допрошенные по сему дѣлу свидѣтели, кромѣ инспектора училищъ М. А. Бойкова, единогласно удостовѣрили, что грубое обращеніе учителей съ учениками есть *обычное явленіе* въ народныхъ школахъ Тамбовскаго уѣзда, что учителя *Мельниковъ*, *Львовъ* и *Толстовъ* постоянно били учениковъ «гѣмъ, что было у нихъ подъ руками» — толстымъ журналомъ, линейкой, квадратикомъ; что учитель тулинковскаго училища *Толстовъ* не только билъ учениковъ всячески, но даже наказывалъ ихъ розгами, .. и что учитель *Дубровский*, одинъ изъ обвинителей по этому дѣлу, трепалъ учениковъ за уши». Сопоставленіе двухъ приведенныхъ фактовъ, находящихся въ крайне рѣжущемъ противорѣчій отношеніи другъ друга, даетъ достаточно опредѣленное понятіе объ отношеніи инспектора училищъ М. А. Бойкова къ извѣстной категоріи учителей и въ то же время достаточно объясняетъ ихъ необычайную *развязность*, чтобы не сказать болѣе...

Признаюсь, у меня были всегда серьезныя сомнѣнія по вопросу о томъ, знали ли не знали ранѣе г. Бойковъ о грубомъ обращеніи нѣкоторыхъ учителей съ учениками? Явился ли результатъ судебного процесса для него самого неожиданнымъ открытіемъ, или дѣло было не совсѣмъ такъ? Нѣкоторый свѣтъ на этотъ вопросъ проливаетъ имѣющееся у меня въ рукахъ письмо одного сельскаго священника, который былъ крайне возмущенъ поведеніемъ г. Бойкова въ этомъ дѣлѣ и разрѣшилъ мнѣ предать его письмо гласности. «Въ объясненіе того, — пишетъ, между прочимъ, о. священникъ, — почему такіе факты (ранѣе въ письмѣ передавался цѣлый рядъ фактовъ грубаго обращенія съ учениками учителя рослайскаго сельскаго училища) не обратили вниманія инспекціи и не подлежали строгому преслѣдованію г. инспектора, позволимъ себѣ припомнить и рассказать здѣсь весьма достовѣрный фактъ, бывшій все въ томъ же сельскомъ училищѣ во время ревизіи училища указаннымъ инспекторомъ въ 1895 г. въ мартѣ мѣсяцѣ. Мѣстный законоучитель, возвращаясь изъ прихода, узналъ, что въ училищѣ, въ караулкѣ — инспекторъ, и поспѣшилъ туда же. Проходя по сѣнкамъ, законоучитель видитъ, что какой-то мальчикъ безъ фуражки лежитъ на соломѣ, около двери. «Нефедовъ, что ты здѣсь дѣлаешь?» — спрашиваетъ законоучитель. Ученикъ Нефедовъ, вставая и кряхтя, едва слышно заявляетъ, что у него захватило глотку. Тогда законоучитель со словами: «Да развѣ тебѣ можно здѣсь на холоду лежать?» — входитъ въ классъ, объясняетъ о семъ учителю, котораго и проситъ тотчасъ же распорядиться одѣть и отвести заболѣвшаго. А инспекторская ревизія шла и продолжалась своимъ чередомъ, безъ всякаго отношенія къ этому обстоятельству, —

быть можетъ, не относящемуся къ дѣламъ ревизіи? Немудрено, что педагогъ, который равнодушно смотритъ, какъ больного мальчика, чтобы онъ не мѣшалъ священнодѣйствію, называемому ревизіей, выбрасываютъ на холодъ за дверь, какъ собаченку, на какую-то солому, не искоренялъ тѣлесныхъ наказаній въ тамбовскихъ школахъ.

Инспекторъ М. А. Бойковъ прекрасно дополняется директоромъ народныхъ училищъ Тамбовской губ. Д. В. Ильченко, который, подобно разгнѣванному громовержцу Зевесу, періодически спускается на землю, чтобы произнести что-нибудь вроде: «отнодѣ никакихъ географій», «намъ ученыхъ не надо», «не вздумайте проходить съ учениками философію»!.. Все это не наша характеристика, а выдержки изъ брошюры Э. О. Кислинской. Пока вкратцѣ добавимъ, что онъ принадлежалъ къ числу столповъ мракобѣсія и цензоровъ-добровольцевъ мѣстнаго «общества народныхъ чтеній», и на одномъ изъ собраній поднялъ гоненіе на сочиненія В. Г. Короленко, авторитетно заявляя, что послѣдній якобы «на дурномъ счету у министерства». Впрочемъ, объ этомъ я уже писалъ ранѣе въ «Новомъ Словѣ». Передать еще два факта изъ служебной практики Д. В. Ильченко, которыми и закончу его характеристику. Однажды въ «Тамб. Губ. Вѣд.» появилось письмо въ редакцію, подписанное, какъ потомъ оказалось, однимъ изъ учениковъ воскресной школы; ученикъ жаловался на нѣкоторые недостатки народной читальни об-ва народныхъ чтеній. Редакція газеты сопровождала это письмо нѣсколькими своими замѣчаніями относительно случившагося около того же времени факта произвольнаго недопущенія сторожемъ въ бібліотеку нѣсколькихъ дѣвочекъ-школьницъ. Усматривая во всемъ этомъ зловредную «критику», Д. В. Ильченко поступилъ по способу Александра Македонскаго: вовсе запретилъ пускать учениковъ низшихъ учебныхъ заведеній въ народную читальню, ссылаясь на какой-то старинный циркуляръ мин. нар. просв. Онъ упустилъ изъ виду, что циркуляръ 80-хъ гг. никакъ не могъ относиться къ типу народныхъ читаленъ, существующихъ по положенію 15-го мая 1890 г. Газеты много смѣялись надъ открытіемъ г. Ильченко, у котораго циркуляры бывають такимъ образомъ пророческими. Но все это было бы смѣшно, если бы не было очень грустно: однимъ почеркомъ пера г. Ильченко лишилъ бібліотеку-читальню об-ва нар. чтеній $\frac{2}{3}$ ея посѣтителей...

Кромѣ того, когда общество народныхъ чтеній согласилось на принятіе предложенія одного изъ членовъ прогрессивной «оппозиціи» организовать продажу лучшихъ народныхъ книгъ по губерніи, — г. Ильченко объявилъ, что въ силу тоже какого-то невѣдомаго циркуляра и своихъ сношеній съ попечителемъ уч. округа и министерствомъ народнаго просвѣщенія не можетъ допустить, чтобы народные учителя брали въ этомъ дѣлѣ на себя роль комиссіонеровъ общества. Тутъ даже председатель общества замѣтилъ, что это какое-нибудь недоразумѣніе. И дѣйствительно, короткаго разговора его съ попечителемъ было достаточно, чтобы невозможное стало возможнымъ, и «недоразумѣнія» устранились. Но въ чемъ состояли эти созданныя г. Ильченко «недоразумѣнія»? Вопросъ любопытный, но праздный...

IV.

Чтобы закончить нашъ очеркъ Слетовскаго дѣла, поговоримъ о томъ, какое

впечатлѣніе произвелъ процессъ на тамбовскую публику. Изъ телеграммы Росс. тел. аг. извѣстно, что приговоръ суда, оправдавшій г-жу Слетову, въ залѣ засѣданія былъ встрѣченъ громовыми, долго несмолкавшими аплодисментами. Въ самомъ дѣлѣ, если на судѣ и было много приверженцевъ учителей, то они невольно ступешались, а все большинство безразличной и колеблющейся публики всецѣло и безраздѣльно отдало свои симпатіи А. Н. Слетьовой.

Впечатлѣніе, произведенное процессомъ, было подавляющее. Оно захватило всѣхъ. Учителя, которые поняли, что сами же, подталкиваемые инспекторомъ, вырыли себѣ яму, были обезкуражены. Про нихъ передавали въ шутку, что они бѣгали къ гадалкѣ спросить, почему всѣ ихъ усилія ни къ чему не привели, и получили отвѣтъ, будто это оттого, что ихъ было 13, т. е. они представляли чертову дюжину. Инспекторъ М. А. Бойковъ подумывалъ, не слѣдуетъ ли ему, для очищенія собственной репутаціи, отречься отъ многочисленныхъ обвиненій, взыденныхъ на г-жу Слетову въ «Русской Мысли», и принести за себя очистительную жертву въ видѣ нѣсколькихъ уволенныхъ учителей. Прежніе защитники учителей какъ будто спѣшили загладить свою вину, усиленно негодуя на нихъ во всеуслышаніе. Послѣ процесса можно сказать, ихъ только лѣнливый не лягалъ. Но особенно ликовала публика въ тѣхъ пунктахъ города, которые являются средоточіями мелкаго городского люда, базаръ, толкучка, окраинные кварталы, словомъ, мѣстности, населенныя мѣщанствомъ, ремесленниками, рабочимъ людомъ, мелкими торговцами и т. п., такъ какъ къ этой средѣ принадлежитъ подавляющее большинство родителей городскихъ школьничковъ. Среди послѣднихъ ликованіе было едва ли не самымъ сильнымъ, живымъ и неподдѣльнымъ. Эти люди, обыкновенно утѣшающіе себя мыслью, что брань на вороту не виснетъ, а побои до свадьбы заживутъ, едва ли не впервые увидѣли, что и ихъ не всегда можно обижать безнаказанно, что и они могутъ не безъ успѣха постоять за себя. Среди нихъ обнаружился замѣтный подъемъ духа, и рѣшившіеся учителя еще обжаловать приговоръ суда, на вторичное разбирательство дѣла г-жа Слетова могла бы представить вдвое, втрое, вчетверо больше свидѣтелей, чѣмъ въ первый разъ.

Прошло достаточно времени, прежде чѣмъ могла сказаться первая слабая реакція въ пользу учителей,—конечно, въ самой скромной, стыдливой и замаскированной формѣ. Первою ласточкой въ этомъ родѣ была редакціонная статья «Тамб. Губ. Вѣд.». Ея авторъ видимо не имѣетъ достаточно смѣлости рѣшительно говорить противъ А. Н. Слетьовой и за осужденныхъ обвинителей-учителей, а потому предпочитаетъ окольный путь. Правда, «съ одной стороны нельзя не сознаться», что «дѣло Слетьовой имѣетъ извѣстное и притомъ весьма серьезное значеніе и что несомнѣнно оно удержитъ не умѣющихъ себя сдерживать учителей», но «съ другой стороны, нельзя не признаться», что оно все таки «искусственно раздуто» (кѣмъ? инспекціей и дирекціей?) и что г-жу Слетову, къ досадѣ автора, окружають «какъ бы ореоломъ мученицы, ореоломъ героини». «Съ одной стороны, нельзя не сознаться», что тѣлесныя наказанія нежелательны: «Мы никогда не были и не будемъ защитниками кулачной расправы вообще, а въ школахъ въ особенности»; но съ другой стороны нельзя не признаться, что интеллигентный человѣкъ по природѣ нервозенъ, а мужикъ привыченъ къ битью: «Мы не можемъ строго порицать, если учитель

выйдетъ изъ себя и дать иному мальчишкѣ подзатыльникъ, за которымъ, впрочемъ, ни получившій его, ни его родители не гонятся». Съ одной стороны, несомнѣнно, что «нѣкоторые тамбовскіе учителя дерутся», но, съ другой стороны, «наша газета всегда сочувствовала и симпатично относилась къ народнымъ учителямъ, болѣла ихъ болѣзнями и радовалась ихъ радостями», а между тѣмъ въ другихъ органахъ печати «громы и молніи посыпались на головы несчастныхъ тружениковъ на нивѣ народнаго образованія, которые еще недавно были, такъ сказать, *personae gratae* той же печати», и т. д., и т. д. Уже изъ приведенныхъ цитатъ можно составить себѣ нѣкоторое представленіе объ этомъ образцѣ неофициальной публицистики официального органа.

Подъ прикрытіемъ сочувствія къ «несчастнымъ труженикамъ» здѣсь довольно откровенно проводится примирительное отношеніе къ существованію въ школѣ «подзатыльниковъ». То, казалось бы, крайне грустное обстоятельство, что къ тычкамъ и оплеухамъ наше простонародье «притерпѣлось», что не видитъ въ нихъ никакого униженія нравственной личности человѣка, — вызываетъ со стороны публициста не стремленіе повысить это низкое представленіе о человѣческомъ достоинствѣ горячимъ и убѣжденнымъ словомъ, а спокойное признаніе факта и аргументацію, напоминающую Некрасовское:

Не бѣда, что потерпѣть мужикъ:

Такъ ведущее насъ Провидѣнье

Указало... да онъ же *привыкъ!*

«Труженики на нивѣ народнаго просвѣщенія», разумѣется, заслуживаютъ самаго искренняго и глубокаго сочувствія. Но это сочувствіе должно быть не позолоченнымъ и не подсахареннымъ, а трезвымъ и реальнымъ. Оно должно не закрывать глазъ передъ недостатками той категоріи лицъ, которую избираетъ своимъ объектомъ, и не играть въ руку этимъ недостаткамъ той обывательски-благодушной терпимости, которая всегда представляетъ собою не что иное, какъ проявленіе простой нравственной рыхлости. Это сочувствіе должно быть родною сестрою той «ненавидящей любви», которая всегда безстрашно обнажаетъ всѣ язвы своего объекта, которая прежде всего активна и дѣятельна, а не пассивно-снисходительна. Тамбовскій публицистъ желаетъ радоваться радостями учителей и болѣть ихъ болѣзнями. Но онъ не умѣетъ этого дѣлать. Самыя страшныя и опасныя болѣзни — это болѣзни внутреннія, скрытыя, несознаваемые самими больными, которые считаютъ себя, напротивъ, вполне здоровыми. Обнаружить такую болѣзнь, конечно, значитъ принести больному не радость, а скорбь, но неужели этимъ должно руководиться истинное сочувствіе? Органы русской печати, говоритъ тамбовскій публицистъ, разразились послѣ слетовскаго процесса громами и молніями. Но онъ проглядѣлъ, что страстное отношеніе къ дѣлу у нихъ вызывалось именно ихъ высокимъ представленіемъ о призваніи народнаго учителя. Притомъ же, нашу печать еще можно было бы упрекнуть въ противорѣчіи, если бы она видѣла въ процессѣ только случай поглумиться надъ народными учителями, а не вооружиться противъ тѣхъ общихъ условій, которыя такъ неблагопріятно отражаются на ихъ педагогической дѣятельности. Но передъ нами цѣлый рядъ статей такого рода. Однѣ статьи сѣтуютъ, главнымъ образомъ, на то, что учителя не имѣютъ хорошихъ руководи-

телей, а имѣютъ лишь бездушныхъ начальниковъ-бюрократовъ, вродѣ тамбовскихъ. Другія, особенно же передовая статья «Рус. Вѣд.», идутъ еще дальше. «Вообще—говоритъ эта статья,—въ современной педагогической практикѣ довольно сильнымъ становится направленіе, которое идетъ наперекоръ лучшимъ завѣтамъ педагогической теоріи, выработанной 30—40 лѣтъ назадъ. Подъ вліяніемъ этого направленія прежде всего принизилась личность учителя. Школьнаго наставника, въ которомъ еще не такъ давно видѣли самостоятельнаго и отвѣтственнаго работника въ области ввѣреннаго ему дѣла и которому въ виду этого стремились дать возможно лучшее не только спеціально-педагогическое, но и общее образованіе, теперь мало-по-малу сводятъ на положеніе механической силы, дѣйствующей по указкѣ начальства. Параллельно съ этимъ идетъ и пониженіе общеобразовательнаго уровня учителей. Изъ человѣка, развитого въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, понимающаго общественное значеніе своей роли и любящаго свое дѣло—вырабатываютъ узкаго спеціалиста-ремесленника, не могущаго возвыситься до широкаго пониманія своей задачи. Общеобразовательные предметы въ программахъ учительскихъ семинарій сокращены до крайняго *minimum'a*; учительскіе свѣзды отошли въ область преданій; устройство педагогическихъ курсовъ обставляется условіями, которыя нерѣдко лишаютъ ихъ всякой возможности сколько-нибудь значительно содѣйствовать подъему образовательнаго уровня учительскаго персонала; учительскія бібліотеки, открываемыя при школахъ, наполняются книгами, большую часть прочитанными учителями еще на школьной скамьѣ; средствъ для взаимнаго общенія учителей почти совсѣмъ не организовано; просвѣщенныхъ, любящихъ свое дѣло руководителей учителя имѣютъ только въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Все это, взятое вмѣстѣ, не можетъ, конечно, остаться безъ вліянія на практическую сторону педагогическаго дѣла. Однимъ изъ результатовъ такого вліянія несомнѣнно является и тамбовская исторія. Ко всему этому слѣдовало бы прибавить болѣе рѣшительное указаніе на положительно развѣдающій наше школьное дѣло бюрократическій принципъ. Лѣтъ 10—15 тому назадъ животрепещущимъ вопросомъ школьной практики былъ вопросъ о правѣ земства завѣдывать не только хозяйственною, но и чисто-педагогическою стороною школьнаго дѣла. Вопросъ рѣшился не въ пользу земства. Предполагалось, очевидно, что сложная бюрократическая машина, идущая отъ попечителей округа черезъ директоровъ народныхъ училищъ къ участковымъ инспекторамъ, достаточна для руководства школами въ воспитательномъ отношеніи. Дѣло А. Н. Слетовой лишній разъ показало, насколько беспочвенна эта иллюзія. Теперь даже «Гражданинъ» говоритъ объ инспекціи и дирекціи, какъ о сухихъ и бездушныхъ бюрократическихъ установленіяхъ».

Общія соображенія «Рус. Вѣд.» совершенно вѣрны и вполне приложимы къ тамб. учителямъ. Образовательный уровень ихъ крайне низокъ. Изъ числа 71 учителя, находящихся на службѣ тамб. уѣздн. земства, только 1 воспитывался въ университетѣ, только 1 окончилъ гимназію, 2 были въ ней, но не кончили курса, 3 учились, но не кончили въ реальномъ училищѣ, 46 человѣкъ учились въ екатер. учит. институтѣ или въ учит. семинаріяхъ, остальные приходятся на долю уѣздн. училищъ, духовныхъ училищъ, домашняго образованія и т. п. Нѣсколько

лучше обстоить дѣло съ учительницами, наибольшее количество которыхъ кончило курсъ женской гимназіи (40,54%) и епархіальнаго училища (35,13%). Спрашивается, почему же такъ мало людей съ высшимъ и среднимъ образованіемъ можно встрѣтить въ народныхъ школахъ? Конечно, во первыхъ, потому, что должность народнаго учителя слишкомъ неблагодарная, трудная, зависимая и скудно оплачиваемая должность; а затѣмъ еще и потому, что вѣдь теперь у насъ слишкомъ развита болѣзненная подозрительность и боязнь всякаго соприкосновенія интеллигенціи съ народомъ. Достаточно кому нибудь выразить желаніе пойти съ университетской скамьи въ деревню, въ школу, чтобы возникли подозрѣнія во всевозможныхъ «измахъ»...

А что дѣлается въ Тамбовскомъ уѣздѣ для того, чтобы пополнить пробѣлы педагогическаго образованія учителей по окончаніи ими курса? Правда, училищнымъ совѣтомъ устроено 5 учительскихъ библіотекъ (и это на большой Тамбовскій уѣзд!). Что же заключаютъ въ себѣ эти библіотеки? Имѣя въ рукахъ ихъ каталогъ, мы можемъ отвѣтить на этотъ вопросъ. Въ отдѣлѣ педагогики вы не найдете *ни одного* сочиненія такихъ людей, какъ бар. Корфъ, Пироговъ и Ушинскій. Зато этотъ пробѣлъ восполняется произведеніемъ М. А. Бойкова «Записки по методикѣ географіи» (это для учителей, которымъ къ тому же твердятъ: «отнюдъ никакихъ географій!»). Весь отдѣлъ заключаетъ 20 названій. Еще меньше отдѣлъ исторіи—14 названій. Но здѣсь вы найдете 4 тома «сравнительныхъ жизнеописаній» Плутарха, 12 томовъ «Исторіи государства Россійскаго» Карамзина, названія четырехъ отдѣльныхъ отрывковъ изъ той же исторіи (какая роскошь!). Если изъ остального исключить историч. хрестоматію, то еще останется только «Родная Старина» Кохановской да книга Суворина (егда и Саулъ во пророцѣхъ?) о «патріархѣ Никонѣ». Ни одного названія изъ Соловьева, Костомарова, Бестужева-Рюмина... Изъ иностранныхъ авторовъ—только какимъ-то чудомъ попавшая сюда недурная книга Тьерри «Разсказы изъ временъ меровинговъ» да еще «Іоанна д'Аркъ» Ламартина. Послѣ этой исторической окрошки переходимъ къ отдѣлу словесности. Здѣсь вы найдете 9 названій Марлинскаго, 6 книгъ историческихъ повѣстей Кукольника, «Мельникъ колдунъ, обманщикъ и свать» Аблесимова, «Душенька» Богдановича, избранныя сочиненія Ломоносова, избранныя сочиненія императрицы Екатерины II, повѣсти кн. Одоевскаго, его же «Сказки и разсказы дѣдушки Ириней» (это для учительской-то библіотеки!), «Вурсакъ» Нарѣжнаго, «Панъ Халевскій» Квитки-Основьяненко, стихотворенія Веневитинова, Дельвига, Давыдова, наконецъ, какіе-то «Анекдоты и изреченія, выбранныя изъ сочиненій древнихъ писателей». Зато изъ классиковъ полныя собранія сочиненій вы найдете только, Пушкина, Лермонтова, Гоголя и Достоевскаго. Изъ Тургенева, Гончарова, Григоровича, Некрасова, Льва Толстого, Бѣлинскаго—*нѣтъ ни одного названія*, не говоря уже объ Успенскомъ, Златовратскомъ, Салтыковѣ, Шеллеръ-Михайловѣ, Станюковичѣ, Короленко, Добролюбовѣ и др. Какъ видите, вдохновляемый г. Бойковымъ тамбовскій училищный совѣтъ кормитъ своихъ учителей умственной пищей «временъ очаковскихъ и покоренья Крыма». Немудрено, что и міро-

звѣршеніе ихъ не далеко ушло отъ традицій добраго стараго времени, когда можно было учить всѣхъ домостроевскими пріемами.

Вотъ что слѣдовало бы привести въ оправданіе учителей тамбовскому публицисту, если бы онъ дѣйствительно чувствовалъ глубокую и разумную симпатію къ «труженикамъ на нивѣ народнаго просвѣщенія». Почему же онъ вмѣсто этого останавливается на проповѣди дряблага благодушія и снисходительности къ *лицамъ* подзатыльника? Да просто потому, что онъ имѣлъ въ виду вовсе не реабилитацію и защиту народнаго учителя вообще, а реабилитацію именно той группы *лицъ*, которыя, во главѣ съ М. А. Бойковымъ, сыграли такую печальную и даже постыдную роль въ процессѣ Слетовою. Реабилитація этихъ *лицъ* требуетъ приниженія идеи народнаго учителя до идеи объ учитель-ремесленникѣ, съ котораго не нужно много спрашивать. И, наоборотъ, реабилитація идеи народнаго учителя требуетъ безпристрастнаго и хотя бы строгаго, но справедливаго отношенія къ лицамъ, унижающимъ это званіе, ведущаго за собою энергичную борьбу съ тѣми условіями, которыя плодятъ такихъ *лицъ*.

Нынѣ тамб. газета продолжаетъ взятую на себя неблагодарную роль — апологіи обвинителей А. Н. Слетовою. Такъ, она помѣстила «письмо въ редакцію» учителя С. Бряжева, осторожно, но довольно прозрачно обвинявшаго одного изъ свидѣтелей со стороны А. Н. Слетовою въ ложномъ показаніи (данномъ на судѣ, подъ присягой, т. е. въ тяжкомъ уголовномъ преступленіи), а когда свидѣтель прислалъ въ редакцію отвѣтное письмо, то она его отказалась напечатать. Еще раньше «Тамб. Вѣд.» воспроизвели наскоро состряпанную и пущенную въ ходъ какими-то друзьями учителей сплетню, будто вотъ уже 10 лѣтъ, какъ въ тамбовскихъ школахъ совсѣмъ не употребляются линейки и квадратики, стало быть, драться ими учителя не могли, а показавшіе противное свидѣтели А. Н. Слетовою лгали.

Печально видѣть уклоненія съ пути литературной порядочности газеты, въ общемъ старающейся держаться приличнаго и хотя весьма блѣднаго, но все-таки прогрессивнаго тона. Впрочемъ, уже не въ первый разъ «Тамб. Вѣд.» пускаются въ защиту явно несправедливыхъ дѣлъ, даже идя въ разрѣзъ дружному голосу общественнаго мнѣнія. Такъ, напр., еще когда почти всѣ органы печати сдержанно, но серьезно критиковали циркуляръ къ земскимъ начальникамъ одного провинціального помпадура, предлагавшаго имъ усиленно побуждать лѣнливыхъ пейзанъ наниматься на сельско-хозяйственныя работы къ помѣщикамъ за предлагаемую послѣдними плату, въ виду болѣе успѣшнаго сбора недоимокъ, — наша газета выступила въ защиту циркуляра, вдохновляемая заинтересованною стороною. Далѣе, тамбовцамъ, вѣроятно, еще памятны трогательныя передовицы этой газеты объ одномъ администраторѣ, не по своей волѣ оставившемъ постъ, и — увы! — не оцѣненномъ своими согражданами-обывателями. Наконецъ, можно вспомнить и статьи по вопросу о ходатайствѣ губ. и уѣзднаго земствъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія. Эти статьи также гласили: «съ одной стороны нельзя не признаться, но съ другой нельзя не сознаться»...

Такимъ образомъ, если мы остановились на статьяхъ «Тамб. Вѣд.», то лишь потому, что печать обыкновенно считается выразительницей общественнаго

мнѣнія и не остается, со своей стороны, безъ вліянія на него. Къ «Тамб. Вѣд» эта истина примѣнима лишь при цѣломъ рядѣ ограничительныхъ «но». Болѣе надежными показателями общественнаго мнѣнія являются общественныя учрежденія, каковы городская дума и земство. Тамбовскій городской голова И. А. Гуаданини уже обратился къ инспектору училищъ М. А. Бойкову съ запросомъ, какія мѣры намѣренъ онъ принять для того, чтобы впредь не повторялись побои въ школахъ, на содержаніе которыхъ городъ даетъ деньги. Каковъ бы ни былъ отвѣтъ г. Бойкова, онъ будетъ предметомъ, вѣроятно, весьма горячаго обсужденія въ ближайшую сессию думскихъ засѣданій. Вмѣстѣ съ тѣмъ городской голова, въ виду данныхъ, обнаруженныхъ слѣдствіемъ, отказалъ въ своемъ согласіи на назначеніе одного изъ обвинителей-учителей, г. Львова, завѣдующимъ вновь учреждаемаго образцоваго толмачевского училища; между тѣмъ, какъ г. Львовъ былъ рекомендованъ на это мѣсто лично М. А. Бойковымъ. Предсѣдатель мѣстной уѣздной земской управы М. П. Колобовъ разсылаетъ всѣмъ учителямъ уѣзда циркуляръ, въ которомъ указываетъ, что на службѣ тамб. земства, ходатайствующаго вообще объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для крестьянъ, не могутъ быть терпимы учителя, примѣняющіе тѣлесныя наказанія въ школахъ. Процессъ г-жи Слетовою послужить для тамб. уѣздн. земства, безъ сомнѣнія, лишнимъ поводомъ продолжать начатую въ послѣднее время энергичную дѣятельность для поднятія общаго и специально-педагогическаго образовательнаго уровня своихъ учителей. Будемъ надѣяться, что и мѣстный училищный совѣтъ проявитъ, наконецъ, свою дѣятельность въ томъ же направленіи, такъ какъ во главѣ его стоитъ уѣздный предводитель дворянства В. М. Петрово-Соловово, по инициативѣ котораго состоялось ходатайство земства объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для крестьянъ. Нѣтъ сомнѣнія, что главу училищнаго совѣта должно непріятно поразить существованіе тѣлеснаго наказанія, вульгарно выражаясь, у него подъ носомъ, въ подвѣдомственныхъ ему школахъ... Вѣроятно, что послѣ этого исключительное владычество г. Бойкова въ школьномъ дѣлѣ сократится до предѣловъ, отмежеванныхъ ему закономъ, и что училищный совѣтъ обратитъ вниманіе на жалкое состояніе организованныхъ имъ ранѣе учительскихъ библіотекъ.

Пора кончить. Упомяну еще о массѣ сочувственныхъ писемъ, полученныхъ и до сихъ поръ еще получаемыхъ г-жею Слетовою отъ самыхъ разнообразныхъ лицъ, изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстностей—буквально «отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды». Но изъ всѣхъ этихъ писемъ, отъ какихъ бы извѣстныхъ или неизвѣстныхъ лицъ они ни исходили, для нея едва ли не самымъ памятнымъ будетъ простое и безыскусственное письмо изъ западной области, подписанное знаменательными словами: «еврей-рабочій». Это письмо, исходящее отъ представителя той самой рабочей интеллигенціи, рожденію которой должна содѣйствовать истинная, идейная педагогія, свидѣтельствуетъ о появленіи новаго составнаго фактора въ русскомъ «общественномъ мнѣніи»; оно лишній разъ доказываетъ, что нынѣ у насъ простые рабочіе люди начинаютъ понимать и глубоко цѣнить всѣ попытки, имѣющія цѣлью возвысить ихъ самосознаніе и отстоять ихъ права на признаніе равнаго человѣческаго достоинства съ остальными людьми.

Викторъ Черновъ.

Рл1444

В. Чернов

